

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ПОСТСОВЕТСКОЙ АРМЕНИИ: 20 ЛЕТ ОДНОВРЕМЕННО НА НЕСКОЛЬКИХ СТУЛЬЯХ

©2013 г. С. Минасян

В 2011 г. исполнилось 20 лет после распада СССР. Два десятилетия уже насчитывает и история постсоветской Армении. Представляется, что юбилейные даты являются весьма удобным поводом для ретроспективного анализа результатов реализации Арменией ее внешней политики, в том числе – концептуальных стратегий и подходов, которыми руководствовалась страна за эти годы независимости.

С 1991 г. Армения присоединилась ко многим международным организациям (ООН, ОБСЕ, Совету Европы и др.) и вошла в ряд региональных организаций (СНГ, ОЧЭС и др.). Осуществляя тесное военно-политическое сотрудничество с Россией, страна также активно развивает отношения с ЕС, США и НАТО, участвует в международных миротворческих операциях. У Армении достаточно хорошие отношения с соседями по региону – Грузией и Ираном, однако существуют серьезные проблемы во взаимоотношениях с Азербайджаном и Турцией.

С конца советского периода Армения была вовлечена в карабахский конфликт, который не урегулирован до сих пор, несмотря на продолжающиеся с 1992 г. переговоры при посредничестве Минской группы ОБСЕ. Азербайджан и поныне блокирует все транспортные коммуникации в Армении и Нагорный Карабах и угрожает возобновить боевые действия в зоне конфликта.

Между Арменией и Турцией также существуют серьезные исторические и политические проблемы, в первую очередь касающиеся Геноцида армян в Османской империи, которого Турция не признает. Кроме того, Турция не устанавливает с Арменией дипломатических отношений, поддерживает Азербайджан в карабахском конфликте и продолжает блокаду Армении. Попытки нормализовать армяно-турецкие отношения при посредничестве международного сообщества, активизировавшиеся в 2008–2009 гг., пока не дали результата.

МИНАСЯН Сергей Мамиконович, кандидат исторических наук, руководитель департамента политических исследований Института Кавказа, Ереван, Армения (sergey@c-i.am).

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ОСНОВА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ: СОВМЕСТИТЬ НЕСОВМЕСТИМОЕ?

Внешнеполитические стратегии государств могут закрепляться в виде официальных документов – стратегий или концепций национальной безопасности, внешнеполитических доктрин и т.д. Однако зачастую это неформальные и не зафиксированные на бумаге концептуальные модели внешней политики. Хотя в Армении в последние годы был утвержден целый ряд официальных документов в данной сфере, все же основы внешней политики страны были заложены еще на рубеже 80–90-х годов XX в. на уровне практических действий и теоретических представлений еще только формировавшейся политической элиты страны.

Именно тогда внешнеполитической концепцией Армении стал так называемый комплементаризм (хотя в то время такого термина еще не существовало, он был придуман позже). Суть этой концепции, довольно нетипичной для постсоветских стран начала 90-х годов, заключалась в поддержании баланса между интересами региональных и мировых акторов, вовлеченных в регион Южного Кавказа, в том числе и в тех случаях, когда эти интересы явно противоречили друг другу.

Так, у политических сил, пришедших к власти в Армении в начале 90-х годов, имелся крен в сторону чуть ли не русофобии (связанный как с ориентацией на независимость от Москвы, так и с традицией антисоветского диссидентства), однако Армения не пошла на разрыв с Россией. Более того, в сложившемся региональном контексте, с учетом начавшейся в Карабахе войны и восприятия “турецкой угрозы”, Армения установила с Россией дружественные и даже союзнические отношения, особенно в сфере безопасности. Одновременно Армения пыталась максимально использовать содействие США и европейских стран, тем самым отчасти компенсируя ориентацию на Россию в вопросах безопасности. При этом в расчетах политических идеологов раннего периода независимости (Вазгена Манукяна, Левона Тер-

Петросяна), армянский комплементаризм должен был включать в себя также и Турцию.

Первые годы независимости и президентства Левона Тер-Петросяна – показательный этап внешнеполитического комплементаризма Армении. В разгар карабахской войны, используя уникальную внешнеполитическую конъюнктуру, Ереван получал оружие и военную технику от русских, деньги на развитие экономики – от американцев, продовольствие и гуманитарную помощь – от европейцев (при этом вплоть до марта 1993 г. даже через территорию Турции), а топливо для воюющей армии – из Ирана.

Новый этап комплементаризма начался в конце 90-х годов, при втором президенте Роберте Кочаряне. Он связан с именем главного идеолога и автора собственного термина “комплементаризм” – главы МИД Армении в 1998–2008 гг. Вардана Осканяна. По мере снижения российского влияния в регионе с конца 90-х годов, Армения “мелкими шагами” превратила комплементаризм в довольно отточенную технику “сидения одновременно на нескольких стульях”. Причем в определенных случаях комплементаризм давал возможность Еревану как уравновешивать излишнее влияние Москвы в регионе, так и наоборот – сдерживать США или европейцев на некоторых этапах карабахского переговорного процесса.

Именно такая внешняя политика продолжает осуществляться Арменией уже второе десятилетие, несмотря на постоянные обвинения в практической несостоятельности или скором конце комплементаризма. Однако каждый региональный форс-мажор (например, события в Южной Осетии в августе 2008 г.) лишь вновь демонстрирует потенциал армянского комплементаризма. Фактически, внешнеполитическую доктрину Армении с равным успехом можно было бы назвать “прагматизмом” или “реализмом”. По словам американского эксперта армянского происхождения Ричарда Гирагосяна, “Армянская внешняя политика последнего десятилетия стремится соединить по сути своей конфликтующие интересы России и Запада, при этом используя в качестве рычага свое наиболее действенное средство – влиятельную диаспору... Более того, эта политика комплементарности, хотя и выглядит несовместимой, в реальности является естественным результатом исторических и геополитических соображений”¹.

¹ *Giragosian R. Toward a New Concept of Armenian National Security. The World Bank. Wash., 15–16 January 2005. P. 20.*

“КОМПЛЕМЕНТАРИЗМ” И “МНОГОВЕКТОРНОСТЬ”: УНИКАЛЬНОСТЬ И ЗАКОНОМЕРНОСТЬ

Для лучшего понимания феномена армянского комплементаризма можно попытаться сравнить его с весьма похожей, на первый взгляд, “многовекторностью” во внешних политиках других постсоветских евразийских стран – Азербайджана и республик Центральной Азии. Во-первых, тут можно заметить, что основное отличие армянского комплементаризма от многовекторности других евразийских стран – в стабильности и преемственности его реализации с первых же дней обретения Арменией независимости. Так, например, Азербайджан (особенно в период Абульфаза Эльчибея и начальный период правления Гейдара Алиева вплоть до середины 90-х годов) долгое время придерживался однополярной политической ориентации, с упором на Турцию как проводника западной политической линии. Лишь после вступления Азербайджана в ОДКБ в 1994 г. и одновременного начала реализации нефтяных проектов с участием западных компаний Баку удалось уравновесить эту тенденцию. Аналогично, нельзя утверждать о наличии реальной многовекторности во внешних политиках стран Центральной Азии вплоть до второй половины 90-х годов. Западное влияние в Центральной Азии было минимальным, ресурсы пытающихся участвовать в событиях региона Турции и Ирана – незначительными, а Китай вызывал лишь настороженность и страх, и не мог восприниматься как надежный внешнеполитический партнер в глазах центральноазиатских государств. Лишь аморфность российской внешней политики не превратила пророссийскую ориентацию государств Центральной Азии 90-х годов в полностью безальтернативную. Да и сам термин “многовекторность” (особенно в случае с Казахстаном) во многом возник как скрытый синоним политики дистанцирования центральноазиатских стран от России лишь в середине 90-х годов.

Зато надо признать, что у Азербайджана и ряда центральноазиатских стран (Казахстан, Туркменистан и отчасти Узбекистан) есть очень важный ресурс многовекторности – нефть и газ. Благодаря энергоресурсам, Баку в своей внешней политике может не совмещать (как это делает Армения) интересы Запада, России и Ирана либо не пытаться (как центральноазиатские страны) использовать отношения с Западом или Китаем для компенсации излишней зависимости от Москвы (и наоборот). Напротив, зачастую Азербайджан уже пытается играть на противоречиях силовых центров, вовлекая в это также и Турцию, не пе-

реходя на сторону ни одного из них (хорошей иллюстрацией является подписание Баку назло Анкаре газового контракта с Москвой 14 октября 2009 г. во время визита армянского президента в Турцию). Очевидно, что энергетические доходы и осознание своей значимости для реализации энергетических и коммуникационных проектов являются главными внешнеполитическими ресурсами Азербайджана, без которых данная стратегия Баку по сохранению баланса не имела бы смысла и содержания.

Впрочем, надо уточнить, что реализация азербайджанской многовекторности на региональном уровне ограничена именно присутствием Армении, которая традиционно всегда имела (и будет иметь) лучшие отношения и с Западом, и с Россией, и с Ираном, чем Азербайджан. Армения при любых внешних обстоятельствах всегда будет казаться намного более прозападной, и одновременно восприниматься Москвой как более пророссийское государство, чем Азербайджан.

Очень существенным отличием армянского комплементаризма является плюрализм внутриполитического поля и бóльшая свобода СМИ. Это создает серьезный общественный и политический дискурс во внутривнутриполитическом поле Армении об основных направлениях и ориентациях внешней политики страны, невозможный в авторитарных государствах. В Центральной Азии и в Азербайджане внешнеполитическая многовекторность, напротив, обуславливается наличием проблем с демократией, ведь это существенно увеличивает значимость России при любого рода форс-мажорных развитиях для уравнивания критики со стороны международных организаций, США и Европы (например, как в случае с Узбекистаном после событий в Андижане²). Очевидно, что в отличие от западных акторов, Москва подходит более чем “прагматично” к проблемам демократического развития в данных странах, практически не связывая свои политические отношения с Азербайджаном и центральноазиатскими странами с вопросами соблюдения там фундаментальных прав человека и демократических стандартов. Это, в свою очередь, в восприятии азербайджан-

ской и центральноазиатских элит повышает геополитическую ценность Москвы, преимущественно придерживающейся стандартов “реал-политик”, по сравнению с более “щепетильными” западными партнерами.

Наконец, важнейшим отличием армянского комплементаризма от многовекторности других евразийских постсоветских стран является одновременное наличие диаспоры и в России, и в США, и в европейских странах, а также достаточно влиятельных армянских общин в Иране и ряде стран Ближнего Востока (политически активные и серьезные азербайджанские и центральноазиатские общины есть только в России). При этом важно не только физическое наличие многочисленных армянских диаспоральных общин, а их потенциал как политических акторов, влияющих на политику стран своего проживания применительно к Армении и к региону.

Таким образом, проводя сравнения армянского комплементаризма с многовекторностью внешней политики Азербайджана и центральноазиатских стран, можно заметить и существенные отличия, и определенные сходства. В самых общих чертах их, наверное, можно считать синонимами реализации концептуально похожей внешней политики, но при внимательном анализе отличий у комплементаризма с многовекторностью все же больше, чем сходств.

Естественно, у комплементаризма по определению есть серьезные технологические издержки. Вести сложную многовекторную внешнюю политику труднее, чем простую и одновекторную. Легко играть на противоречиях между интересами ведущих региональных и внерегиональных игроков, а вот совмещать эти интересы сложно, и делать это приходится постоянно. Всегда есть искушение занять сторону одного из мировых центров силы и за его спиной противостоять другому, но иногда это очень опасно: можно стать разменной монетой в играх сверхдержав. Армении сложно вести сбалансированную политику, и дивиденды от нее умеренные. Но, с другой стороны, и ответственность удастся делить с внешними акторами, и меньше рисков при форс-мажорных обстоятельствах.

КАРАБАХСКИЙ КОНФЛИКТ

Карабахская проблематика является идеологическим базисом независимой армянской государственности, без которой вообще невозможно представить сегодняшнюю Республику Армения. Позиция Армении в карабахском конфликте не менялась с самого его начала: она сводится к тому, что Армения поддержит лишь такой вари-

² В мае 2005 г. в узбекском городе Андижан вспыхнули беспорядки, жестоко подавленные правительственными силами, в результате чего погибли сотни человек. Действия узбекских властей подверглись жесткой критике со стороны США и ЕС. Это подвигло Узбекистан, наряду с другими действиями на внешнеполитической арене, восстановить в августе 2005 г. свое членство в ОДКБ, из которого страна вышла еще в 1999 г., а также серьезно активизировать военно-политическое сотрудничество с Россией. В июне 2012 г. официальный Ташкент вновь приостановил членство Узбекистана в ОДКБ.

ант урегулирования, который удовлетворит сам Нагорный Карабах и обеспечит безопасность и развитие его населения. Соответственно, в переговорах Армения выдвигает три условия: 1) отсутствие вертикального подчинения Нагорного Карабаха Азербайджану, 2) сохранение сухопутной границы между Арменией и Нагорным Карабахом и 3) международные гарантии безопасности НКР.

Поскольку эти условия совершенно неприемлемы для Азербайджана, перспективы урегулирования конфликта остаются очень смутными. В том, что касается влияния конфликта на внешнюю политику Армении, можно отметить три тенденции.

Во-первых, Армения готова нести политические и экономические издержки карабахского конфликта, в том числе и во внешней политике, в условиях продолжающейся экономической и коммуникационной блокады со стороны Азербайджана и Турции.

Во-вторых, армянские политики прилагают усилия в направлении региональной интеграции (например, “футбольная дипломатия” 2008–2009 гг. с Турцией³), в том числе с таким расчетом, что сотрудничество и установление в регионе более доверительных отношений может рано или поздно создать поле для урегулирования карабахского конфликта.

В-третьих, Ереван уже два десятилетия достаточно эффективно использует карабахский фактор как самостоятельный ресурс своей внешней политики, как возможность привлечь внимание внешних акторов и получить их поддержку в условиях геополитического противоборства в регионе. Фактор конфликта используется для поддержания информационного и политического интереса к региону, а также стимулирования экономической помощи и политического содействия. Иными словами, Ереван эксплуатирует тему

карабахского конфликта для повышения геополитической роли Армении как в региональном формате, так и на общеевропейском уровне.

И, наконец, достаточно важным элементом внешнеполитических подходов Армении (и непризнанной Нагорно-Карабахской Республики) в условиях невозможности достижения быстрого компромиссного урегулирования и сохраняющейся гонки вооружений с угрозой возобновления боевых действий является реализация стратегий конвенционального и политического сдерживания в отношении Азербайджана. Это подразумевает поддержание необходимого военно-технического потенциала по нанесению столь серьезного урона Азербайджану с использованием обычных (конвенциональных) вооружений, который лишает смысла само возобновление боевых действий, ибо для Баку потери от инициирования войны будут превышать все возможные приобретения. Дополнительную эффективность армянское сдерживание приобретает с учетом синтеза конвенционального сдерживания с политическими ограничениями со стороны международного сообщества и влиятельных внешних акторов, имеющих бескомпромиссный консенсус по вопросу недопущения новой войны в Карабахе⁴.

ОТНОШЕНИЯ С РОССИЕЙ

Сотрудничество с Россией – важный элемент внешней и оборонной политики Армении. Согласно Договору от 1995 г., обе страны несут обязательства по взаимной обороне и помощи. На территории Армении дислоцирована 102-я российская военная база; Армения является активным членом ОДКБ – военно-политического блока под эгидой России. Для Москвы российско-армянские отношения являются основой политики безопасности в регионе и единственным компонентом деятельности ОДКБ на Южном Кавказе. Россия – главный инвестор в армянскую экономику, и, несмотря на отсутствие прямой географической связи, тесно сотрудничает с Арменией в энергетической и коммуникационной сферах. Планируется, что Россия примет участие в строительстве нового энергоблока Армянской АЭС, новой ветки железной дороги Иран–Армения и в ряде других проектов.

В августе 2010 г. в ходе визита президента Дмитрия Медведева в Армению был подписан до-

³ Речь идет о попытке армяно-турецкого примирения, формально начавшейся после приглашения президентом Армении Сержем Саргсяном своего турецкого коллеги Абдуллы Гюля в Ереван для совместного просмотра футбольного матча сборных Армении и Турции в рамках отборочного этапа чемпионата мира в сентябре 2008 г. В рамках процесса “футбольной дипломатии”, проходившего при активной поддержке США и ЕС, а также России, в октябре 2009 г. в Цюрихе были подписаны армяно-турецкие протоколы, предусматривающие установление дипломатических отношений между двумя странами, а также снятие Турцией сухопутной блокады Армении. Однако после того как турецкая сторона стала затягивать процесс ратификации этих протоколов, выдвигая дополнительные условия, Армения в апреле 2010 г. заморозила свое участие в данном процессе.

⁴ См. подробнее: *Минасян С.* Поиск стабильности в карабахском конфликте: между конвенциональным “устрашением” и политическим сдерживанием // *Россия в глобальной политике.* 2012. Т. 10. № 1 (январь–февраль).

полнительный Протокол № 5 к Договору 1995 г. о порядке функционирования российской военной базы на территории страны. Согласно этому документу, географическая сфера ответственности базы распространилась на всю территорию Армении (а не только вдоль периметра бывших границ СССР с Турцией и Ираном), длительность нахождения базы в Армении была продлена до 49 лет. Кроме того, Россия взяла на себя обязательство обеспечивать армянскую армию современным вооружением и военной техникой.

В Армении подписание Протокола № 5 интерпретируют как гарантию безопасности и военной помощи со стороны России в случае возобновления Азербайджаном боевых действий. Формально как двусторонние, так и многосторонние (в рамках ОДКБ) обязательства России в сфере безопасности и взаимной обороны распространяются только на международно признанные границы Республики Армения, а не на собственно территорию Нагорного Карабаха. Вместе с тем вполне вероятно, что в силу чрезвычайной милитаризации региона боевые действия не ограничатся лишь территорией Нагорного Карабаха и перекинутся на территории вдоль периметра весьма протяженной границы между Арменией и Азербайджаном.

Россия, разумеется, не заинтересована в вовлечении в боевые действия вокруг Нагорного Карабаха. Однако, в случае возобновления войны в Нагорном Карабахе, Москва окажется в весьма трудном положении. Прямая военная помощь Армении и участие России в карабахском конфликте немедленно приведут к разрыву отношений с Азербайджаном, в том числе в энергетической сфере. С другой стороны, невыполнение двусторонних и многосторонних обязательств по оказанию военной помощи Армении лишат Россию репутации надежного партнера в сфере безопасности, дискредитируют дальнейшее функционирование ОДКБ и приведут к потере Москвой своего единственного военно-политического союзника на Южном Кавказе. Поэтому Россия стремится сохранить статус-кво и поддерживает военный баланс, способствующий невозобновлению боевых действий в Нагорном Карабахе.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С США

Взаимоотношения с Соединенными Штатами – важное измерение армянского комплементаризма, претерпевшее за два десятилетия достаточно серьезную трансформацию. В конце 80-х годов США активно поддерживали будущих лидеров Армении в их борьбе против Москвы. Борьба карабахских армян за отделение от Советского

Азербайджана тоже получала почти безусловную поддержку и симпатии Соединенных Штатов, которые рассматривали ее как часть борьбы народов СССР против коммунистического режима. В октябре 1992 г. Конгресс США принял поправку № 907 к “Акту о поддержке свободы”, запрещающую военную и иную помощь правительства США Азербайджану, пока последний “не предпримет шаги по снятию всех блокад и не прекратит любое наступательное использование силы против Армении и НК”.

Интерес США к Азербайджану вырос примерно со второй половины 90-х годов, после подписания соглашений об участии западных нефтяных компаний в освоении энергетических ресурсов Каспия. После терактов 11 сентября действие 907-й поправки было приостановлено в рамках борьбы с международным терроризмом, и США начали активное военное сотрудничество с Азербайджаном.

Впрочем, несмотря на возросший интерес Вашингтона к энергетическим ресурсам и географическому положению Азербайджана, политика США в отношении Армении и Азербайджана остается несимметричной. В пересчете на душу населения, Армения является крупнейшим после Израиля получателем прямой американской помощи, за два десятилетия составившей примерно 2 млрд. долл. США выделяют ежегодную финансовую помощь и Нагорному Карабаху (например, в 2011 г. Конгрессом было выделено порядка 10 млн. долл.), тем самым являясь единственным государством в мире (кроме Армении), осуществляющим прямую финансовую помощь Карабаху. США также были главным спонсором армяно-турецкой “футбольной дипломатии”, призванной нормализовать отношения между Ереваном и Анкарой и вывести Армению из частичной коммуникационной блокады со стороны Азербайджана и Турции. Кроме того, являясь одной из стран – сопредседателей Минской группы ОБСЕ, США активно участвуют в карабахском переговорном процессе.

Во многом проармянскую политику Вашингтона на Южном Кавказе принято объяснять деятельностью влиятельного армянского лобби в США. Это лобби сильно как своей организованностью и большим опытом, так и тем, что гражданам США армянского происхождения, составляющие заметный процент населения некоторых штатов, способны голосовать консолидированно, ощутимо влияя на политику.

Вместе с тем роль Армении в американской региональной политике объясняется и прагматичны-

ми приоритетами Вашингтона в его взаимоотношениях с Россией, Ираном и Турцией – странах, для которых армянский фактор весьма важен. После снижения интереса к Южному Кавказу со стороны демократической администрации Барака Обамы и “перезагрузки” российско-американских отношений в 2009–2010 гг. Армении стало легче проводить сбалансированную политику в отношении России и США, не вызывая приступов ревности у великих держав.

ЕВРОПЕЙСКАЯ И ЕВРО-АТЛАНТИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

Европейский союз является важным партнером Армении, реализующим свою политику на Южном Кавказе путем его включения в сферу своего экономического, культурного и политического влияния. Институционализация европейского присутствия на Кавказе идет медленно; проекты сотрудничества, реализуемые ЕС в рамках “Европейской политики соседства” и “Восточного партнерства”, не очень эффективны и не удовлетворяют ожиданий южнокавказских обществ. Однако эта деятельность уже изменила региональный фон. В перспективе проникновение Евросоюза на Южный Кавказ может повлиять на ситуацию вокруг региональных конфликтов за счет введения новых правил игры, которые “смягчают различия между странами региона и в будущем могут стать удобным механизмом решения общих проблем”⁵. Для Армении чрезвычайно важна также более тесная экономическая интеграция со структурами ЕС. В настоящее время завершаются переговоры о предоставлении Армении статуса ассоциированного членства в ЕС, что предусматривает либерализацию визового режима и обеспечение доступа страны на единый европейский рынок.

Армения с 1998 г. участвует в программе “Партнерство ради мира”, а с 2005 г. реализует “Индивидуальный план действий партнерства” (*Individual Partnership Action Plan, IPAP*) с НАТО. Военно-политическое сотрудничество с НАТО – один из краеугольных камней национальной безопасности Армении. При содействии НАТО или в рамках двустороннего военного сотрудничества Армении с государствами – членами НАТО ведется работа по укреплению миротворческого потенциала армянских вооруженных сил, реформированию армии, регулированию военно-гражданских отношений и т. д.

ТУРЕЦКИЙ ВЕКТОР

С 1993 г. Турция держит закрытыми свои границы с Арменией. Между двумя государствами нет дипломатических отношений, экономическое и торговое сотрудничество осуществляется через третьи страны. До последнего времени Турция выдвигала в качестве предусловий нормализации отношений с Арменией ряд требований, связанных с карабахским конфликтом и процессом признания Геноцида армян. Вместе с тем, если проблема Геноцида для Турции достаточно остра, карабахский вопрос никогда не был высоко приоритетным для турецкого общества или государства. Можно даже утверждать, что, выдвигая его в переговорах с Арменией, Турция поставила свою региональную политику в зависимость от позиции третьей страны – Азербайджана.

Со своей стороны, политическая элита Армении еще в 90-е годы XX в. начала использовать фактор Геноцида в качестве “неконвенционального оружия” и ресурса давления, с учетом особой чувствительности Турции к этой проблеме⁶. Почти 15 лет, с 1993 по 2008 г., существовала некая константа армяно-турецких отношений: Турция держала закрытой армяно-турецкую границу и осуществляла коммуникационную блокаду Армении, а Армения пыталась использовать фактор Геноцида для принуждения Турции к изменению ее позиции и открытию границ.

В 2008–2010 гг. по инициативе президента Армении Сержа Саргсяна при активной поддержке США и ЕС была предпринята попытка армяно-турецкого примирения (“футбольная дипломатия”), приведшая к подписанию 10 октября 2010 г. в Цюрихе армяно-турецких протоколов, предполагавших полноценную нормализацию отношений без предусловий. Однако сразу же после подписания протоколов Турция вернулась к своей первоначальной риторике, вновь увязав ратификацию протоколов с урегулированием карабахского конфликта. Протоколы были представлены в Парламент Турции, но так и не были ратифицированы. В результате, 22 апреля 2010 г., через год после публикации дорожной карты по нормализации армяно-турецких отношений, президент Саргсян выступил со специальным обращением, в котором заявил, что Армения выходит из процесса, однако не отозвал окончательно подписи Армении под протоколами. По словам президента Армении,

⁵ Школьников В. 2008-й год: необратимое вовлечение Европы в дела Кавказа? / Кавказ-2008. Ежегодник Института Кавказа. Ереван, 2010. С. 200.

⁶ См. подробнее: Искандарян А., Минасян С. Прагматичность политики сквозь реалии исторических ограничений: анализируя армяно-турецкий процесс // Аналитические доклады Института Кавказа (Ереван). 2010. № 1 (январь).

официальный Ереван будет готов вернуться к обсуждению протоколов лишь тогда, когда Турция реально будет готова к этому.

А до этого, по всей видимости, Армения будет пытаться оказывать косвенное давление на Турцию (например, по тематике признания Геноцида армян 1915 г. в Османской империи) с использованием потенциала армянской диаспоры в различных странах для склонения Анкары к более конструктивной позиции в вопросе налаживания двусторонних отношений.

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ПЕРИМЕТР

Региональный периметр армянской внешней политики фактически включает лишь два признанных государства – Грузию и Иран (и одно непризнанное – Нагорный Карабах), с которыми Армения ведет полноценное политическое, экономическое и гуманитарное сотрудничество. Вместе с тем Грузия и Иран являются для Армении единственными сухопутными воротами во внешний мир, через которые страна осуществляет все наземные коммуникации (по приблизительным оценкам, через Грузию примерно 60–70%, а через Иран – 30–40% от общего объема).

С 1991 г., когда Армения и Грузия получили независимость, армяно-грузинские межгосударственные отношения прошли довольно долгий путь. При этом каждый этап в двусторонних отношениях во многом зависел как от внутривнутриполитической ситуации в двух странах, так и общего регионального контекста. Особенно важным событием стала «Пятидневная война» августа 2008 г. между Россией и Грузией – уникальный тест на эффективность армянского комплементаризма. Действительно, в ходе войны между своим главным военно-политическим союзником, Россией, и исторически близким соседом и основным коммуникационным партнером, Грузией, Армения сумела сохранить корректный нейтралитет, который был принят обеими воюющими сторонами.

В армяно-грузинских отношениях существуют и хронические проблемы: положение населенного армянами региона Грузии – Джавахети (армяне называют его Джавахк), вопросы статуса Грузинской епархии Армянской Апостольской Церкви и возврата конфискованного еще в советское время ее имущества и церковью, а также стабильное функционирование проходящих через территорию Грузии армянских коммуникаций. При всем том, историческая общность двух стран способствует положительному развитию армяно-грузинских отношений, несмотря на зачастую негативно влия-

ющий на них региональный контекст и нерешенные конкретные проблемы.

Что же касается Ирана, то отношения с ним имеют для Армении особую ценность с учетом его роли в региональной политике и в мусульманском мире. Иран демонстрирует взвешенное отношение к карабахскому конфликту, что для Армении очень важно ввиду попыток Азербайджана представить этот конфликт как религиозное противостояние между армянами-христианами и азербайджанцами-мусульманами⁷. После неудачной попытки Ирана в мае 1992 г. выступить посредником в карабахском конфликте, Тегеран не проявляет повышенного интереса к участию в переговорах, но при этом внимательно следит за происходящими вокруг Карабаха процессами. В центре особого внимания Ирана – судьба приграничных с ним территорий, находящихся под контролем Нагорного Карабаха. Тегеран заинтересован в сохранении этих территорий под армянским контролем (никогда публично этого не высказывая), так как они выступают своеобразным буфером между Азербайджаном и северными регионами Ирана с тюркоязычным населением. Соответственно, Иран выступает за консервацию карабахского конфликта и против какого-либо размещения международных миротворцев на его территории.

Армяно-иранское экономическое сотрудничество включает преимущественно энергетическую и коммуникационную сферы: строительство железнодорожной ветки Армения–Иран, ЛЭП, ГЭС, а также трубопровода для транспортировки иранской нефти и других нефтепродуктов, с последующей постройкой в Армении нефтехранилища. Немалую роль в армяно-иранских политических отношениях играет наличие в Иране достаточно многочисленной и влиятельной армянской общины, имеющей многовековую историю и хорошо интегрированной в иранское общество.

* * *

Два десятилетия эволюции внешней политики Армении достаточно типичны для небольшого государства, имеющего исторические и политические проблемы с некоторыми соседями и вынужденного считаться с интересами вовлеченных в регион внешних игроков. Дополнительную специфику ее внешней политики определяет тот факт, что Армения – страна постсоветская и посткоммунистическая. Но если некоторые постком-

⁷ См.: *Shaffer B.* Is There a Muslim Foreign Policy? The Case of the Caspian // *Current History*. November 2002. P. 383–386.

мунистические страны сделали упор на противостояние с Россией при поддержке западных стран (ряд стран Восточной Европы и Балтии, Украина в период президентства Ющенко и Грузия после прихода к власти Саакашвили), то Армения избрала иной путь: пытаться совместить взаимно противоречащие интересы западных стран, России и даже Ирана.

В этом плане армянский комплементаризм, прагматично совмещающий интересы России и Запада (и одновременно весьма специфическое поддержание баланса с Ираном), концептуально имеет много общего с внешней политикой Финляндии в годы холодной войны. Финская внешнеполитическая концепция, известная также как “Линия Паасикиви–Кекконена”, эффективно использовалась официальным Хельсинки примерно с конца 50-х годов XX в. вплоть до распада коммунистического блока и СССР, позволив путем балансирования между НАТО и ОВД не только сохранить независимость и суверенитет, но и получить значительные экономические дивиденды. При этом Финляндия, избежавшая и “советизации”, и втягивания в противостояние двух антагонистских блоков, смогла даже сыграть особую роль в европейской политике во многом именно благодаря особым доверительным отношениям одновременно с СССР и странами НАТО⁸.

Аналогичным образом Армения зачастую представляет интерес для США и европейских стран

⁸ См. подробнее: *Апунен О.* Линия Паасикиви–Кекконена. М., 1980.

во многом именно в силу своих особых отношений с Россией и Ираном, и наоборот. В то же время, не имея прямого географического сообщения с Россией, Армения – бенифициарий крупных российских инвестиций (особенно в транспортную и инфраструктурную сферы), во многом являющихся своеобразной платой Москвы за стратегическое сотрудничество в военной и политической сферах.

Естественно, реализация Арменией внешней политики такого типа также имеет свои недостатки и издержки. Как и Финляндия в годы холодной войны (вынужденная под давлением СССР отказать от участия в поствоенном “Плане Маршалла”), нынешняя Армения в экономических и военно-политических отношениях с западными странами вынуждена считаться с мнением Москвы, и наоборот. В результате по-настоящему “своей” Армения не стала ни для кого – в лучшем случае у нее создан образ предсказуемого партнера, проводящего прагматичную и сбалансированную внешнюю политику. Однако, так или иначе, Армения будет и дальше сохранять комплементаризм как основную внешнеполитическую концепцию. Впрочем, именно этого и будут ожидать ее основные (и постоянно конкурирующие между собой) внешнеполитические партнеры и союзники.

Ключевые слова: внешняя политика постсоветской Армении, комплементаризм, многовекторность, карабахский конфликт, армяно-российские отношения, армяно-турецкие отношения, армяно-иранские отношения, армянские диаспоры.